

Michał Głuszkowski
Instytut Filologii Słowiańskiej
Uniwersytet Mikołaja Kopernika, Toruń

Главные черты двуязычия и двукультурия на примере старообрядцев в Польше и польских общин в Украине и в России¹

0. В анализе двуязычия и двукультурия сошлемся на теоретический аппарат Эйнара Хаугена, считавшего, что если двуязычный индивид не всегда владеет обоими своими языками в полном виде, то и двукультурие не обязательно должно быть полным (Хауген 1972: 64). Многие исследования в разных социальных и языковых условиях подтвердили, что общества, функционирующие в двух культурах, чаще всего разделяют сферы использования обоих языков. Такое распределение функций Чарлз Фергюсон назвал диглоссией. Явление диглоссии связано с существованием иерархии, в которой один из кодов выполняет роль «низкого» языка (L), а второй «высокого» (H) (Фергюсон 1959: 327).

Явления подобные диглоссии могут выступать также на уровне культуры. Социально дифференцированное двукультурие Джошуа Фишман определил термином «диэтния» (Fishman 1985: 46). В общине, в которой наблюдается «диэтния», культура «K1» может преобладать в области искусства, науки и техники, а культура «K2» – в семейной, соседской и религиозной сферах жизни. По мнению Фишмана, «диэтния» выступает значительно реже, чем диглоссия и многокультурие (Там же: 47-48). Однако, его положения составляют интересную теоретическую основу для описания и классификации многоязычных и многокультурных групп, функционирующих в разнообразных условиях.

Предметом наших рассуждений являются четыре общины: старообрядцы в Польше, поляки в Западной Украине (на территории, находящейся в границах Польши до второй мировой войны), поляки в центрально-западной Украине (на территории, которая уже до 1939 года находилась в границах СССР) и поляки в центральной Сибири (окрестности Иркутска). Каждая из этих групп является меньшинством и отличается от своего окружения, но их отличительные признаки – разные.

1. Старообрядческая община в Польше.

Проживающие в Польше старoverы в настоящее время связаны с двумя культурами: своей, старообрядческой, в значимой мере базирующей на русском субстрате, и свойственной их окружению доминирующей, польской культурой

¹ Publikacja powstała przy wsparciu finansowym Fundacji na Rzecz Nauki Polskiej.

(Глушковский 2010: 251). Распределение сфер жизни польских старообрядцев в значительной мере совпадает с распределением сфер использования польского языка и русского говора. Использование одного из языков в конкретной ситуации обусловлено прежде всего такими критериями как: сфера жизни, характер социального окружения, этническая принадлежность собеседника, поколение, к которому принадлежит говорящий, а также личные характеристики участников речевой ситуации (Głuszkowski 2010: 122-123 i passim).

Русский говор старообрядцев подвергается постоянному влиянию польского языка. Интерференция выступает на разных уровнях диалектной системы: фонетическом, лексическом и синтаксическом. Наиболее стойкой является морфологическая система говора с его флексией, а также вокализм, в котором сохранились многие русские диалектные явления, а прежде всего аканье и яканье. В консонантной системе произошла смена мягкостной корреляции. Итак, русские палатализованные согласные [tʲ], [dʲ], [sʲ], [zʲ] заменены польскими среднеязычными [ć], [ź], [ś], [ź], а зубной [t] замещён глайдом [w]. Практически во всех тематических сферах, кроме с каждым годом увеличивается количество польских лексических заимствований:

*ńet takav'o słovń ńctva v n'ašym jazyk'u št'oby **texń ńcne spr'avy***

vygn'ancy /kat'oryje tut ši'z'at

'eta samoč'ynńe tak i'z'ot

*dva l'itry małak'a svar'it' s s'axarym i **cuk'er vanilj'ovyj** / i 'eta vyl'ic' na **bl'axu** na **razłaž'onyje xerbatn'ik'i***

Фразеология и идиоматика говора староверов всё больше полонизируется, что видно напр. во многих фразеологических кальках: *ja uže, kak eta gavaritsa / **na bok atsunuť'a; specjalnaj vagi ńe priv'azyvajetsa***. В настоящее время в области синтаксиса даже у старейших старообрядцев заметно влияние польского языка, напр. глагол *mieć* выступает как лексический показатель категории притяжательности, и как вспомогательный глагол по образцу польск. *mieć dom; mieć ochotę; mieć coś do zrobienia, mieć osiem lat*. Глагол *mieć* выступает в ассимилированной форме, спрягающейся по русской парадигме: *m'et'*, и копирует значение и функции польского первообраза: *m'ajet s'estr'u; m'ajet dv'en'adcat' god, m'ajet 'eta sd'elat'*. Именное сказуемое образуется с помощью связки *j'eśća*, напр. *ja ńe j'eśća nacional'ist; j'eta vot*

už'e jeść ćetav' ek (под влиянием польского языка, в котором личная форма глагола *buć* используется в именном сказуемом). Влияния польского языка на говор старообрядцев усиливаются со сменой поколений.

Из-за количества и высокой частотности вышеупомянутых явлений Стефан Гжибовский предложил определить актуальное состояние говора польских старообрядцев как гибридизацию, т.е.

„процесс смешения языковых систем в таком виде, когда одна из них составляет основную структурную базу для сосуществования различных элементов обеих систем. Такой процесс как раз намечается в исследуемом говоре, где постепенно русская диалектная база псковского происхождения приобретает польское фонетическое, лексическое, идиоматическое и фразеологическое наполнение. Русским, т.е. диалектным остаётся в основном морфологическая система, она как раз составляет тот формально-грамматический каркас, который позволяет утверждать, что возникающий гибрид является русским” (Grzybowski 2007).

В двуязычии старообрядцев основным языком является польский, который употребляется во всех сферах, кроме религиозной. Кроме того он обладает письменной формой. Диалектные тексты чаще всего записываются (транскрибируются) по-польски.

Состояние культуры же, или двукультурие польских старообрядцев пока не является гибридным. В ряде случаев они одновременно используют элементы старообрядческой и польской культур. Будучи жителями Польши, старообрядцы смотрят польское телевидение – прежде всего польские многосерийные фильмы, слушают радио, читают газеты, иногда принимают участие в разных культурных и развлекательных предприятиях – так, как и живущие рядом с ними поляки. Их повседневная одежда, исполняемые профессии, квартиры – особенно у староверов, проживающих в городах, не отличаются от одежды, профессий и квартир польских соседей. Даже деревенские дома староверов похожи на дома в других, польских деревнях. Нет сомнений в том, что старообрядцы живут в польской культуре. Но одновременно они имеют и свою культуру, или её элементы. В архитектуре таким элементом являются бани, в одежде – праздничный наряд, в творческой жизни – фольклорный ансамбль «Рябина». По актуальным наблюдениям все наши информанты без проблем отличают обе культуры. Конечно, есть некоторые области культуры, в которых польские и старообрядческие элементы выступают наряду, как напр. надгробные надписи на кладбищах, но в случае каждого элемента всегда можно определить его происхождение. Смешение культурных систем пока не совершилось – староверские и польские обычаи и традиции существуют параллельно в определенных сферах жизни.

2. Польская община в Стрые (Украина).

Стрый это город средней величины (около 70 тыс. населения), расположенный на реке Стрый, в 80 км от Львова. Между двумя войнами (1918-1939) находился под польской юрисдикцией, а с 1939 г. принадлежал Украинской ССР.

В городе функционирует Польский культурный центр им. Корнеля Макушинского – отдел Культурного общества поляков Львовщины. Польская организация состоит из 350 членов, но населения с польскими корнями в Стрые и его окрестностях – намного больше (Kowalik 2004; Kulik 2006: 7). Определение численности общины составляет серьёзную исследовательскую проблему. Единственным официальным критерием определения польского характера данного индивида или семьи является принадлежность к Культурному обществу поляков Львовщины. Но это только юридический, а не культурный или языковой критерий. Полностью польских семей в Стрые и его окрестностях уже нет. Многие так называемые «польские» семьи принадлежат к обществу на основании происхождения родственников в третьем поколении, а вне официальных организаций можно найти относительно много наполовину смешанных семей (Głuszkowski 2007: 205-206). В связи с этим следует учесть, что в стрыйской общине выступают два типа двукультурия и двуязычия – старое и новое. Первый вариант свойствен семьям, в которых польские традиции и язык передавались и передаются между поколениями, несмотря на то, что в СССР, особенно на бывших польских землях, было опасно признаваться в своём польском происхождении. Второй же вариант это новое двукультурие и двуязычие – свойственны людям принимающим участие в образовательной, общественной и культурной деятельности Польского культурного центра.

В обеих группах, независимо от условий овладения польским языком (первичное, вторичное или смешанное), у всех информантов наблюдаются явления интерференции. Украинское влияние в польской речи проявляется на всех уровнях языка: фонетическом, грамматическом и лексическом.

Информанты, регулярно учащиеся польскому языку на занятиях в Польском культурном центре, почти не проявляют отклонений от норм польской фонетики. У остальных выступает юго-восточное, архаическое произношение, что отражается на фонетическом уровне в субституции польских палатальных согласных *ć, ś, ź, ż* восточно-польскими *t', s' (s), z', ż'*, напр. *t'asto* вместо польского *ćasto*, *b'enż'e* – (польск.) *b'enźe*. Влияние украинского языка замечается также в неизвестной

польскому языку редукции безударных гласных в конце и середине слова, напр. фонема /e/ после твёрдых согласных в первой ступени редукции переходит в редуцированный гласный близкий у, напр. *oćuk'uje* вместо польского *oček'uje*, *ja ź'ųcy t'ob'e zdr'ov'a* – (польск.) *ja ź'ųcem t'ob'e zdr'ov'a*, *ja 'učy śem*– (польск.) *ja 'uĉem śem* (Там же: 207-208).

На уровне морфологии же интерференция появляется напр. в изменении рода существительных – польск. *g'imn'azjum* под влиянием украинского *гімназія* приобретает женский род, а множественное число существительных нерегулярно образуется по украинской парадигме, напр. вместо польск. *nauč'ų'ele* выступает форма *nauč'ų'el'i*, по образцу укр. *вчителі* (Там же: 208).

Причиной лексической интерференции, кроме заимствований являются также разницы полей содержания некоторых лексем. Отклонения от норм польского языка касаются слов, обладающих более широким значением в украинском языке – т.е. возникают семантические омонимические кальки², напр. конструкция *v'itam' ćem z suk'ėsem*³ употребляется вместо польск. *gratul'uje' ci sukcesu* – почти омонимическое сходство польск. *v'itać* (приветствовать) и укр. *vitami* (поздравлять, приветствовать) не совпадает с их семантическим содержанием (Там же).

Практически все информанты знали латинский алфавит, но им легче писать по-украински. Наши исследования показали, что в польском языке представителей стрыйской общины выступает также графическая интерференция – употребление некоторых букв под влиянием украинской орфографии, напр. «ukrajnski» вместо «ukraiński» (Там же: 209).

Несмотря на наличие разных типов интерференции, все информанты были в состоянии и вполне сознательно отличали оба языка. Употребление каждого из языков обусловлено сферой жизни и личными характеристиками участников речевой ситуации. В рамках диглоссии польскому украинский язык употребляется во всех сферах, а польский функционирует параллельно с ним в домашней и религиозной сферах, а также в здании польского культурного центра.

Также в случае двукультурия выступает четкое разграничение того, что польское и украинское. Украинская культура охватывает все сферы жизни, а элементы польской

² J. Obara, 1989, „Kalki jako jeden z przejawów interferencji językowej”..., с. 200.

³ Из украинского языка копируется также управление *vitami c* + творительный падеж.

культуры наблюдаются в семейной и религиозной сферах. Надо отметить, что из-за многих годов советизации, многие польские обычаи исчезли, а знания о Польше и польской традиции ограничиваются воспоминаниями дедов и информацией приобретенной в Польском культурном центре. Таким образом в описываемой группе выступает прежде всего новое, ревитализированное двукультурие⁴.

3. Польская община в Полонном (Украина).

Полонное это небольшой город (около 22 тыс. жителей) в Хмельницкой области. После второго раздела Речьпосполитой город уже остался за пределами Польши. Около 7% населения города составляют поляки, а в некоторых местностях вокруг Полонного (Буртын, Понинка, и др.) процент людей польского происхождения достигает 10-15%. Языковая и культурная ситуация Полонного и его окрестностей во многом отличается от территории, находящейся в пределах Польши между двумя войнами (1918-1939).

Практически для всех членов описываемой группы украинский является основным языком. Многие из них хорошо владеют также русским языком, а польский является лишь третьим языком и то не для всех, а для более или менее числительной части общины. В польской речи полонских поляков заметны влияния так украинского, как русского языков, прежде всего заимствования и кальки, напр. *b'ih'om*, польск. *biegiem*, укр. *бігом*; *b'at'ko*, польск. *ojciec*, укр. *батько*; *bat'kivščyna* польск. *ojczyzna*, укр. *баткіщина*; *čerń'ika*, польск. *borówka*, рус. *черника*; *kor'ičńevuj*, польск. *brązowy*, рус. *коричневый*; *fpš'ožé* под влиянием рус. *вперед* – ср. польск. *z przodu*; *ć'otka* в значении 'женщина' под влиянием рус. *тетка, тётя* 'сестра матери или женщина' – ср. польск. *ciotka* 'сестра матери', *čł'ovjek* под влиянием укр. *чоловік* 'человек, мужчина' – ср. польск. *człowiek* 'человек' (Из-за ограниченного языкового материала в наших исследованиях примеры приводятся за Лидией Непоп: Nерор 2002).

Практически все информанты наши знали латинский алфавит, но из-за отсутствия практики и трудностей предпочитали писать по-украински или по-русски.

Так как в Полонном и его окрестностях нет польской культурной организации, ни других учреждений, в которых могло бы проводиться обучение польскому языку и культурные предприятия, употребление польского языка ограничивается домашней и

⁴ Польский культурный центр носит имя Корнеля Макушинского. Ему и его произведениям посвящаются информационные доски и декорации в здании центра. Вследствие того в сознании стрыйских поляков Макушинский воспринимается как один из величайших поляков, практически наравне с Лехом Валенсой или Йоанном Павлом II. А Козлик-дурачок (*Koziołek Matolek*) это один из самых известных персонажей польской литературы.

религиозной сферами (службы в полонском костёле ведутся на польском и украинском языках). Поскольку нам известно, лишь в немногих семьях есть люди относительно свободно говорящие по-польски. Однако, польский язык не исчезает и передаётся даже младшему поколению. Аналогично выглядит и ситуация польской культуры. Её элементы выступают в разных сферах жизни, напр. на полонском кладбище есть не только старые надгробия с польскими надписями, но и современные. На одной из надгробных надписей отражается как фонетическая интерференция: *dla drogiey siostry siosi i babsi* – влияние восточнославянского произношения *s'estr'a* вместо польск. *ś'ostra*, так и графическая интерференция – отождествление букв 's' и 'c' ср. в лат. алфавите 'c' /c/ и в кириллическом 'с' /s/.

Несмотря на то, польская культура и язык сохранились в Полонном в ограниченной форме, их пользователи без проблем и сознательно отличают польский и украинский характер данных традиций и речевых ситуаций.

4. Польская община в Вершине (Россия).

Вершина это деревня (около 400 чел. населения) расположена 120 км севернее Иркутска, которая в 1910 г. была основана польскими добровольными поселенцами. Потомки крестьян из Малой Польши до сих пор живут в тайге и составляют двуязычную и многокультурную общину. В истории деревни и её жителей можно выделить три основных периода, обусловленные социально-политической обстановкой. Первый период продолжался с приезда в Сибирь до разгара коллективизации и репрессий, т.е. до конца 30-х гг. За это время Вершина составляла культурный и языковой остров, польский анклав в сердце тайги. Вторым периодом это военное и послевоенное коммунистическое время – годы советизации и атеизации вершининцев (так они сами себя называют). Третий период начался с распадом СССР, в 1991 г. Тогда жители Вершины вновь обрели правами меньшинства – прежде всего на обучение польскому языку, создание организаций и исповедование католической религии. Однако несколько десятков лет советизации произвели сильное влияние на двуязычие и многокультурные вершининской общины.

В польской речи жителей Вершины до сих пор наблюдаются диалектные черты типичные для говоров Малой Польши. Например, удлинение долгих гласных: *ō* переходит в *u* – *k'on'a* → *k'u'na*; *ā* переходит в *o*: *nas* → *nos*, *na'il'epšy* → *no'il'epšy*; узкое *e* переходит в *i* перед сонорными, напр. *ź'im'a*, *nab'irać* вместо польск. литературного

ž'em'a, nab'erać. Другие черты это: исчезновение носовых гласных, напр. *śedym ž'ěsunt*, *vugl'undo* и мазурение, напр. *cym*, *tros'ecke* (ср. Гольцекер 1991: 210).

Диалектная фонетика отражается также в заимствованных единицах, напр. мазурение заметно в следующем высказывании⁵: *pacem lu* у *Pal'ack'i* *za Bur'atof'ne vuchoz'ice* (рус. *почему, полячка*) или замена окончания прилагательных в е.ч. ж.р. *-a (-aja)* → *-o* по аналогии к диалектным формам *-o* (< *â*), напр. *to nastoj'aščo p'olsko śp'ivka* (рус. *настоящая*).

Примеров русских заимствований в вершининском диалекте довольно много: *on śem n'ašom ž'em'om p'olzuję*; *on śem nij'ak'im zak'onom u nas ne podč'yño*; *stond ućek'ajom i p'ešk'om l'ecom*; *p'otem samal'otem /a kto xce p'objezdem*; *t'eraż mag'azyn mo w d'umu /otkr'yła*.

Наблюдаются также кальки разных типов, напр. семантические – под влиянием рус. запретить слово *zapřęc'yc'* 'возразить' расширяет своё значение: *p'otem zapřęc'yl'i /p'otem zapřęc'one b'ýto fšo*. Дорота Пасько в свою очередь называет ряд примеров словообразовательных калек, напр. *'odž'yc'* по образцу рус. *отжить*, *gž'ęs-to* по образцу рус. *где-то* (Paško 2009: 26-27).

Несмотря на многие заимствования из русского языка вершининский говор пока нельзя назвать смешанным языком или языком-гибридом, так как морфонология и флексия остаются польскими. Кроме того вершининцы сознательно отличают оба своих языка.

В настоящее время польский диалект употребляется в домашней и соседской сферах, но только в полностью польских семьях, т.е. таких, где среднее поколение – родители являются потомками поселенцев из Малой Польши. Однако, информанты, которые говорят по-польски, владеют языком предков только незначительно хуже, чем русским языком. В смешанных семьях, которых в Вершине с каждым годом становится больше польский язык исчезает, даже если дети учатся ему в школе. Польский язык – в литературном варианте функционирует также в религиозной сфере, как литургический, но к русскоязычным прихожанам священник говорит также на русском языке. О том, что русский язык является для большинства вершининцев основным свидетельствует также распространение его письменного варианта. По-польски умеют писать лишь

⁵ Заимствования из русского языка выделены жирным шрифтом.

немногочисленные информанты – прежде всего дети, которые принимают участие в уроках польского языка – остальные транскрибируют польские слова по-русски. Таким способом записаны тексты ансамбля «Яжумбек», тексты молитв и богослужения в молитвеннике в вершининском костеле.

Состояние культуры – двукультурия или многокультурия вершининцев намного сложнее, чем их языковая ситуация. Из-за смешения культур, с которыми встречались жители Вершины – польской, русской, бурятской и советской образовался конгломерат, который следует определить как многокультурный гибрид. Этот гибрид не состоит просто из элементов разных культур, но из смешанных, гибридных элементов. Многие традиции изменялись сначала под влиянием коренной сибирской, бурятской культуры, затем русской, а потом подвергались советизации и в настоящее время трудно их однозначно классифицировать. Например, свадебные обряды начинаются торгом – этот элемент выступает так в русской, как и в малопольской культурах и трудно определить его происхождение. Возможно, что русская культура оказалась катализатором способствующим сохранению смотрин в Вершине. Однако невесту выкупают не за поллитровки, а за четверти⁶, что приближает этот обычай к русской культуре. Выкупу сопутствует игра на русской гармошке. Возвращаясь из ЗАГСа молодожены останавливаются в священных бурятских местах, что бы побрызгать – т.е. опрыскать землю алкоголем и сфотографироваться. На польском субстрате появляются русские и бурятские суперстраты и в конечном итоге трудно определить «удельный вес» каждой из культур в данной традиции. Это и есть культурный гибрид. Вершининцы заимствовали многие элементы бурятской культуры. Об этих влияниях свидетельствует напр. факт, что они называют самогон тарасуном и подчеркивают, что самогон – это русское название, а тарасун – польское, вершининское (Głuszkowski 2010: 90-91).

Элементы чистой польской культуры функционируют в религиозной сфере жизни и в рамках деятельности Польской организации и ансамбля «Яжумбек», но они охватывают лишь немногих жителей Вершины. Целью этой деятельности и ревитализации исконной культуры Вершины является своеобразный агротуризм – вершининцы принимают всё больше туристических групп из Польши, которые хотят увидеть Польшу в сердце тайги – и они за свои деньги получают то, что хотят – песни

⁶ Четверть – единица объема. В отличие от польской «четверти» (ćwiartka) вмещает не 1.4 л, а 1.4 ведра, т.е. ок. 3 л.

«Яжумбека», малопольский обед и гостеприимство. Однако такая Вершина исчезла несколько десятков лет тому назад.

5. Подведение итогов.

В четырёх описанных многоязычных и многокультурных общинах выступили три основных типа соотношений двукультурия и двуязычия. У старообрядцев в Польше – двуязычие, в котором один из языков является доминирующим, а второй гибридизируется или уже стал гибридом в сочетании с развитым двукультурием. В польских общинах в Украине – двуязычие с двукультурием, в котором преобладает один из языков и одна из культур. У поляков в Сибири же – развитое двуязычие в сочетании с многокультурным гибридом. Контакт с исследуемыми нами общинами поддерживается и одновременно проводятся (или планируются) дальнейшие исследования в области языка и культуры.

Библиография

- Ferguson 1959 – Ch. Ferguson. *Diglossia* [w:] “Word” 15/1959, s. 325-340.
- Fishman 1985 – J. Fishman. *Bilingualism and Biculturalism as Individual and as Societal Phenomena* [w:] Fishman et al. 1985, s. 39-56.
- Fishman et al. 1985 – J. Fishman et al. *The Rise and the Fall of Ethnic Revival*. Berlin-New York: Walter de Gruyter.
- Głuszkowski 2007 – M. Głuszkowski. *Языковая ситуация и культурное самосознание детей и молодёжи из Польского культурного центра им. К. Макушинского в Стрые*, Гадомский 2007, s. 205-212.
- Głuszkowski 2009 – M. Głuszkowski. *Dyglosja w społeczności staroobrzędowców regionu suwalsko-augustowskiego* [w:] „Socjolingwistyka” 22-23, s. 115-131.
- Głuszkowski 2010 – M. Głuszkowski. *Wierszyna, polska wieś na Syberii. Hybrydyzacja kultury a hybrydyzacja języka* [w:] Kuligowski 2010, s. 85-94.
- Grzybowski 2007 – S. Grzybowski. *Гибридизация русского говора старообрядцев под влиянием польского языка (Габове Гронды и Бур)*. Olsztyn (tekst wystąpienia na konferencji: *Język. Kultura. Literatura. Z polsko-wschodniosłowiańskich kontaktów. XII Międzynarodowa Konferencja Slawistyczna 23-24.06.2007*).
- Kowalik 2004 – H. Kowalik. *Jaki znak twój?* [w:] „Tygodnik Przegląd” 47/2004; <http://www.przeglad-tygodnik.pl/idex.php/site=artykul&id=7847>
- Kuligowski 2010 – W. Kuligowski (red.). *Nowe języki. Studia z zakresu kreolizacji języków i kultur*. Wrocław: PTL.

Kulik 2006 – K. Kulik. *Cała Krzywa to Stryjanie* [w:] „Miejski serwis informacyjny Gliwice” 14(267)/2006, c. 1; 7.

Nepop 2002 – L. Nepop. *Interferencja leksykalna i jej odmiany (na przykładzie słownictwa kresowego)* [w:] Rieger 2002, s. 101-127.

Paško 2009 – D. Paško. *O kalkach słowotwórczych w polszczyźnie mieszkańców Wierszyny na Syberii* [w:] „Slavia Meridionalis” 9/2009, s. 21-28.

Rieger 2002 – J. Rieger (red.). *Język mniejszości w otoczeniu obcym*. Warszawa: Semper.

Гадомский 2007 – А. К. Гадомский. *Крымско-польский сборник научных работ*, том 5. Симферополь: Универсум.

Глушковский 2010 – М. Глушковский. *Двуязычие и двукультурие польских старообрядцев сувальско-августовского региона* [w:] „Липоване история и культура русских-старообрядцев” Выпуск 7, Одесса, с. 250-256.

Гольцекер 1991 – Ю. П. Гольцекер. *Тексты из села Вершина (Иркутская область)*, [w:] „Studia nad polszczyzną kresową” t. VI/1991, Wrocław, s. 209-212.

Хауген 1972 – Э. Хауген. *Языковой контакт* [w:] *Новое в лингвистике* Вып. 6/1972: *Языковые контакты*. Москва: Прогресс, s. 61-80.

The main characteristics of bilingualism and biculturism on the example of the Old Believers in Poland and Polish communities in Ukraine and Russia

The theoretical basis of this paper was Einar Haugen's classical article, where he had made a distinction between different types of coincidence of bilingualism and biculturism. On the basis of own empirical researches the author describes four bilingual and bicultural communities: the Old Believers in Poland, Poles in western Ukraine, Poles in central Ukraine and Poles in Siberia. Each of the communities has developed under different historical and socio-political conditions what caused different language and cultural situations. The language and cultural hybrids are here described as possible variants of bilingualism and biculturism.

Główne cechy dwujęzyczności i dwukulturowości na przykładzie staroobrzędowców w Polsce oraz polskich wspólnot na Ukrainie i w Rosji

Teoretyczną podstawę dla niniejszego artykułu stanowił klasyczny tekst Einara haugena, w którym wyróżnił on różne typy wzajemnych relacji pomiędzy dwujęzycznością i dwukulturowością. Na podstawie własnych badań empirycznych autor opisał cztery dwujęzyczne i dwukulturowe społeczności: staroobrzędowców w Polsce, Polaków na

Zachodniej Ukrainie, Polaków na Ukrainie centralnej oraz Polaków na Syberii. Każda z wymienionych społeczności rozwijała się w innych warunkach historycznych i społeczno-politycznych, co doprowadziło do różnych sytuacji językowych i kulturowych. Hybrydy językowe i kulturowe zostały przedstawione jako jeden z możliwych wariantów dwujęzyczności i dwukulturowości.

Słowa kluczowe: dwujęzyczność, dwukulturowość, hybrydy, interferencja, mniejszość, staroobrzędowcy, Polacy, Ukraina, Rosja, Polska

Key words: bilingualism, biculturalism, hybrids, interference, minority, Old Believers, Poles, Ukraine, Russia, Poland

Ключевые слова: двуязычие, двукультурие, гибриды, интерференция, меньшинство, старообрядцы, поляки, Украина, Россия, Польша